

П.С. Коган

**Хрестоматия по истории западно-европеских
литератур**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.С. Коган**
Хрестоматия по истории западно-европейских литератур: Том 1 / П.С. Коган – М.: Книга по Требованию, 2014. – 502 с.

ISBN 978-5-517-98844-7

ISBN 978-5-517-98844-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

дасть для пониманія литературной и культурной исторіи. Но изъ этой сжатой и сухой исторіи литературы преподаватель можетъ выбрать (смотря по количеству времени и по уровню развитія класса) отдѣльныя явленія, которыя будутъ содѣйствовать уясненію историко-литературнаго процесса. Короче говоря, напечатанное мелкимъ шрифтомъ мы предоставляемъ усмотрѣнію преподавателя. Напечатанное крупнымъ шрифтомъ кажется намъ тѣмъ minimum'омъ свѣдѣній изъ европейской литературы, который обязателенъ для молодыхъ людей, прошедшихъ среднюю школу.

Хрестоматія тѣсно связана съ учебникомъ. Въ ней преподаватели найдутъ біографіи писателей, краткую оцѣнку ихъ значенія, содержаніе произведеній, а главное—**большой подборъ отрывковъ изъ этихъ произведеній**, начиная съ Среднихъ вѣковъ и кончая XIX столѣтіемъ. Само собою разумѣется, что хрестоматія не можетъ замѣнить вполнѣ сочиненій писателей. Но мы надѣемся, что обширные размѣры хрестоматіи позволили намъ сдѣлать такой полный подборъ отрывковъ, который вполнѣ достаточенъ для цѣлей и задачъ средней школы. Отрывки изъ каждаго крупнѣйшаго произведенія міровой литературы („Пѣснь о Нибелунгахъ“, „Пѣснь о Роландѣ“, „Божественная Комедія“, трагедіи Шекспира, „Донъ-Кихотъ“, комедіи Мольера и т. д.) занимаютъ десятки страницъ. И если принять въ расчетъ, что каждому изъ такихъ произведеній предшествуетъ подробное содержаніе его, а часто и свѣдѣнія объ его авторѣ и объ его значеніи,—то учащійся на основаніи имѣющагося въ хрестоматіи матеріала можетъ достаточно полно познакомиться съ любымъ авторомъ, что не исключаетъ, конечно, возможности болѣе детальнаго изученія автора на основаніи полного собранія его сочиненій. Само собою разумѣется, что сравнительно болѣе широкое мѣсто отведено отрывкамъ изъ сочиненій тѣхъ авторовъ, характеристики которыхъ напечатаны въ учебникѣ крупнымъ шрифтомъ.

Въ настоящее время готовится къ печати второй томъ хрестоматіи, который будетъ посвященъ литературѣ XVIII и XIX столѣтій и выйдетъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени.

П. К.

Іюль 1911.

СРЕДНІЕ ВЪКА.

Англосаксонскій эпосъ.

БЕОВУЛЬФЪ.

(„Нѣмецкіе поэты“ подъ ред. Гербеля).

Пѣсня о Беовульфѣ есть одна изъ древнѣйшихъ героическихъ поэмъ германскаго міра, отчетливо знакомящая, по словамъ Шерра, съ переходомъ самыхъ древнихъ сѣверныхъ мѣстовъ въ героическія сказанія германскаго народа, а также съ гранитно-суровою бранною сумятицею и богатырскимъ бытомъ скандинавскаго періода. Этотъ Беовульфъ, король одного изъ небольшихъ народовъ, такая же полубаснословная личность, какія мы видимъ во всѣхъ древнѣйшихъ эпопеяхъ. Подобно нашему Ильѣ Муромцу, онъ очищаетъ свою землю отъ зловредныхъ чудовищъ, а самъ выходитъ изъ всѣхъ передрыгъ цѣлъ и невредимъ. Какъ Илья Муромецъ сослуживаетъ службу князю Владиміру убіеніемъ Соловья Разбойника, такъ Беовульфъ переплываетъ океанъ, чтобы помочь въ великомъ бѣдствіи старому королю Гротгару. Страшное чудовище, демонъ, обитающій въ болотахъ, по имени Грендель, уже 12 лѣтъ пожираетъ лучшихъ рыцарей Гротгара, унося ихъ въ свою пещеру. Беовульфъ вызывается вступить съ нимъ въ бой и ложится въ той самой королевской залѣ, откуда чудовище еще недавно въ одну темную ночь унесло 30 благородныхъ воиновъ. И вотъ появляется Грендель: онъ выламываетъ дверь, схватываетъ одного изъ спящихъ воиновъ, разрываетъ его на куски, кусаетъ его тѣло, пьетъ

кровь изъ его жилъ и проглатываетъ его какъ лакомую пищу. Но Беовульфъ приподнимается, и между ними завязывается страшная битва, при чемъ земля трясется отъ ужаснаго рева, который испускаетъ чудовище, пораженное на смерть. Оставивъ въ залѣ одну руку и одно плечо, Грендель удаляется въ свое болото, чтобы тамъ окончить свою преступную жизнь. Но у него остается мать, такое же страшное чудовище. Едва наступаетъ ночь, какъ она является во дворцѣ и пожираетъ одного изъ лучшихъ служителей короля. Снова начинается плачъ и стеланія, и снова Беовульфъ предлагаетъ свои услуги. И вотъ онъ у болота въ пустынной и зловѣщей мѣстности, обитаемой волкамп, змѣями и драконами; безтрепетно проходитъ онъ сквозь ряды этихъ чудовищъ, толкаясь о нихъ своимъ панциремъ, и чрезъ нѣсколько минутъ мы уже видимъ его въ пещерѣ владѣтельницы этого мѣста, волчицы той бездны. Страшная схватка кончается смертью матери и—въ то время, когда она испускаетъ духъ—въ пещеру проникаетъ тихій свѣтъ, похожій на свѣтъ неба. При сіяніи этихъ благодатныхъ лучей побѣдитель видитъ трупъ Гренделя, распростертый въ углу залы; четыре рыцаря, съ которыми пришелъ Беовульфъ, съ трудомъ подымаютъ голову чудовища и, держа ее за волосы, относятъ въ королевскій дворецъ. Это первый подвигъ Беовульфа, но не послѣдній. Уже въ глубокой старости суждено ему снова явиться защитникомъ угнетенныхъ и воз-

становителемъ порядка. Чудовищный драконъ, у котораго люди похитили его сокровище, выходитъ изъ своего холма и сожигаетъ людей и дома огненными волнами. Беовульфъ приказываетъ сдѣлать себѣ желѣзный щитъ, зная, что деревянный не выдержитъ напора огня, и отправляется на поединокъ. Но онъ печаленъ и идетъ пехотя, потому что знаетъ, что близокъ часъ его судьбы. И вотъ передъ нимъ пещера. Онъ садится на возвышенность и посылаетъ послѣднее прощанье своимъ товарищамъ, своему народу, для защиты котораго онъ рѣшился пожертвовать жизнью. Затѣмъ, онъ зоветъ дракона, и чудовище является, испуская изъ себя пламя. Еще минута—и Беовульфъ весь исчезнетъ въ этой массѣ огня. Всѣ товарищи его разбѣгаются, исключая одного Виглафа, не захотѣвшаго разстаться съ своимъ родственникомъ и господиномъ. Между тѣмъ, поединокъ продолжается съ отчаяннымъ бѣшенствомъ: чудовище впирается ядовитыми когтями въ шею короля: но онъ и вѣрный Виглафъ поднимаютъ мечи и разсѣкаютъ дракона пополамъ. Драконъ издохъ, но и послѣдній часъ Беовульфа тоже пробилъ: ядъ змѣя проникъ сквозь рану въ тѣло богатыря, и Беовульфъ чувствуетъ приближеніе смерти. Онъ садится на высокій камень и прощается съ своимъ вѣрнымъ слугою и товарищемъ. «Пятьдесятъ зимъ,—говоритъ онъ,—я защищалъ и охранялъ этотъ народъ. Изъ всѣхъ моихъ сосѣдей не было ни одного короля, который бы осмѣлился напасть на меня съ своими воинами и утратить меня. Я хорошо управлялъ моею землею. Я никому не оставилъ измѣнническихъ ловушекъ, не давалъ ложныхъ клятвъ. И вотъ почему—хотя покрытый смертельными ранами—я могу ощущать радость. Теперь, дорогой Виглафъ, ступай и возьми сокровище, лежащее подъ сѣрымъ камнемъ. Эти богатства я, старикъ, купилъ моею смертию. Они пригодятся моему народу. Я радуюсь, что могъ предъ смертию добыть такое сокровище для моего народа».

ИЗЪ „ПѢСНИ О БЕОВУЛЬФѢ“.

(Пер. А. Соколовскаго).

..... Онъ мудрый былъ король,
Оберегатель трона. Въ дни, когда
Онъ царствовалъ, являться началъ по-
чью
Въ горахъ Штеривальда тотъ драконъ
гремящій,
Что охранялъ сокровище. Давно
Одинъ изъ дальнихъ предковъ Бео-
вульфа
Сокрылъ въ пещерѣ темной много цѣн-
ныхъ
Металловъ и камней, наслѣдье древ-
ней
Прославленной семьи. Всѣ, кто былъ
близокъ
Ему, уже скончались. Онъ оплакалъ
Своихъ друзей—и проводилъ въ печали
Томительные дни; но наконецъ
И до него коснулась рука
Холодной смерти. Съ той поры пе-
щера,
Никѣмъ не охраняемая больше,
Открылась предъ дракономъ. Страшный
змѣй
Обвилъ потокомъ пламени всѣ горы
И, весь дыша огнемъ, леталъ, на ужасъ
Живущимъ, темной ночью. Триста лѣтъ
Такъ протекло. Непустовой драконъ
Одинъ владѣлъ сокровищами грота
И всѣмъ противоборствовалъ; но разъ
Одинъ смѣльчакъ нашолся, что успѣлъ
Похитить тайно въ гротѣ цѣнный ку-
бокъ.
Ужасный стражъ, кипя отъ нетерпѣнья,
Дождался темной ночи и, пылая
Отъ ярости, покинулъ логовище.
Въ надеждѣ многимъ людямъ отомстить
Проступокъ одного. Лишь только скрылся
За горы свѣтлый день, ужасный змѣй,
Какъ сказано, оставилъ гротъ и, весь
Обвитый грознымъ пламенемъ, пустился
На страшную добычу. Горе было
Тому, кто съ нимъ встрѣчался. За-
пылали
Вокругъ дома и села,—и погибло
Добро людей: чудовище хотѣло,

Казалось, уничтожить все, что было
Живущаго кругомъ. Издалека

Ужь можно было видѣть, какъ жестоко
Свирѣпствовалъ драконъ. Никто вблизи
Не смѣлъ помыслить даже, чтобы съ
нимъ

Помѣряться въ бою: такъ безоцадно
Возненавидѣлъ все геотовъ племя
Губитель — змѣй. Лишь съ наступлень-
емъ дня

Могла вздохнуть несчастная окрестность,
Когда драконъ съ лучомъ зари уползъ
Назадъ въ свою пещеру. Между тѣмъ
Крылатый слухъ достигъ до Беовульфа,
Что собственный дворецъ его, краса
И гордость всей страны, уже горѣлъ,
Зажжонный страшнымъ змѣемъ. Горько
было

Узнать о томъ отеческому сердцу
Героя-короля, когда при этомъ
Еще услышалъ онъ, что лучший цвѣтъ
Людей его страны погибъ, спаленный
Огнемъ чудовища. Возстать на мечь
Рѣшилъ тогда безстрашный царь Ведер-
на.

И вотъ защитникъ Вейганда велѣлъ
Себѣ сковать изъ крѣпкаго желѣза
Надежный щитъ. Онъ зналъ, что въ этотъ
разъ

Служить не можетъ дерево защитой:
Огонь его сожогъ бы. Выйти въ бой
Съ летающимъ врагомъ король задумалъ
Лицомъ къ лицу, безъ помощи большой
И сильной рати. Страшный бой со
змѣемъ

Его не ужасалъ: онъ злость и силу
Дракона презиралъ. Не мало битвъ
Онъ вынесъ въ жизни и встрѣчалъ не
мало

Лицомъ къ лицу опасностей жестокихъ.
И вотъ, въ главѣ двѣнадцати избран-
ныхъ

Товарищей, разгнѣванный король
Отправился на поискъ за дракономъ
Въ подземную пещеру. Входъ въ нее
Лежалъ на берегу, гдѣ бились съ пле-
скомъ

Бушующія волны. Много было
Въ пещерѣ той сокровищъ; но ревниво
Ихъ тамъ оберегалъ ужасный стражъ,

Достигнувъ входа, сѣлъ король на
камень,

А спутниковъ оставилъ вдалькѣ.
Его могучій духъ былъ тихъ и мраченъ;
Но страха онъ не зналъ. Опасность
смерти

Была близка: уже, казалось, Норна
Стояла тутъ, готовая прервать
Нить жизни и кончины. Передъ боемъ
Онъ самъ себѣ въ папутствіе сказалъ
Немного краткихъ словъ: «Не рѣдко мнѣ
Въ моей случалось юности сражаться
Съ могучими геролми; теперь же,
Достигнувъ старыхъ лѣтъ, я выхожу
На бой за свой народъ: хочу по-
крыться

Еще однажды славой, лишь бы только
Губитель вышелъ изъ своей норы
Со мной сразиться здѣсь!» И вотъ,
войдя

Подъ сводъ пещеры, ринулся впередъ
Боецъ отважный, гордо потрясая
Броней и мечомъ. Онъ возложилъ
Надежду всю на одного себя.

(Такъ не поступить трусь!) Едва про-
никнувъ
Подъ камень свода, встрѣтилъ онъ
внезапно

Струившійся изъ трещины скалы
Бушующій потокъ. Струя кипѣла
Горячимъ смраднымъ паромъ. Ясно
было,

Что не было возможности проникнуть
Туда живому, если не хотѣлъ
Онъ быть сожжоннымъ змѣемъ. Раздра-
жонный

Тогда свой вызовъ крикнулъ Беовульфъ
Чудовищу: геройская душа
Вскипѣла гнѣвомъ. Эхомъ перекатнымъ
Раздался голосъ князя подъ тяжолымъ
Пещернымъ сводомъ. Цѣль его была

Достигнута: драконъ услышалъ голосъ.
Да онъ и не былъ въ мирномъ на-
строеньи.

И вотъ въ лицо повѣялъ королю
Порывъ дыханья смраднаго дракона,
Горячій какъ огонь, — и вздрогнулъ
сводъ.

Король геотовъ выдвинулъ свой щитъ
Чудовищу навстрѣчу. Жажда боя

Зажглась въ геройскомъ сердцѣ; сталь
меча,
Стариннаго наслѣдья славныхъ предковъ,
Сверкнула въ воздухѣ. Съ спокойнымъ
духомъ
Стоялъ герой быть можетъ передъ
дверью
Своей гробницы. Змѣй, собравши кольца,
Весь съежился—и выжидалъ врага.
Но вотъ, огнемъ объятый, извиваясь .
Онъ ринулся на князя. Новый щитъ,
Какъ ни былъ проченъ, все-жъ не долго
могъ
Служить защитой, почему отважный
Геотовъ вождь немедленно схватилъ
Свой добрый мечъ, наслѣдіе Ингвиса,
И съ нимъ напалъ на змѣя. Сталь скользнула
По бронѣ лапы. Рана не была
Такъ глубока, какъ думалъ нанести
Ее король въ пылу своемъ: она
Лишь раздражила страшнаго дракона.
Неистово онъ бросился, объятый
Весь пламенемъ, сверкнувшимъ какъ
заря
Средь темной ночи. Не веселый часъ
Насталъ для Беовульфа: добрый мечъ,
Его всегдашній спутникъ и защита,
Безсильно былъ готовъ теперь покинуть
Его въ бою. Межъ тѣмъ ужасный
врагъ,
Надувши страшно грудь, готовъ былъ
снова
Напасть, удвоивъ силы, на героя.
Погибель неизбѣжная ждала
Властителя геотовъ: бурный пламень
Сжигалъ его, а между тѣмъ никто
Изъ избранныхъ товарищей не думалъ
Ему помочь. Отъ ужаса дрожа,
Они вдали стояли, помышляя
Лишь какъ спасти себя. Одинъ изъ всѣхъ
Почувствовалъ лишь стыдъ: то былъ
Виглафъ,
Сынъ Веохстана. Онъ снести не могъ
Ужасной мысли, что его король
Готовъ погибнуть въ пламени,—и вотъ,
Схвативъ немедля щитъ изъ желтой
липы
И добрый мечъ, онъ ринулся сквозь
дымъ

И пламя къ королю. «Король нашъ
славный!—
Воскликнулъ онъ,—припомни тѣ слова,
Что часто ты говаривалъ во дни
Счастливой юности: «пока живу я,
Не буду трусомъ!» Вѣрь, что въ этотъ
разъ
Ты также славно собственною силою
Спасти сумѣешь жизнь свою!» Ска-
заль
И ринулся впередъ. Драконъ, завидя
Еще врага, разсвирѣпѣлъ вдвойнѣ:
Обоихъ съечь хотѣлъ потокомъ новымъ
Огня и дыма. Загорѣлся щитъ
У Виглафа: желѣзная окова—
И та не въ силахъ вынести была
Губительнаго жара и прикрыть
Сподвижника монарха. Быстро онъ
Прикрылъ себя, насколько было можно,
Его щитомъ: Виглафа щитъ ужъ былъ
Негоденъ ни къ чему. Тогда король.
Всю крѣпость сплъ и жажду новой
славы
Призвавъ себѣ въ защиту, поразилъ
Врага мечомъ по черепу. Въ куски
Разбился славный мечъ: сталь безору-
женъ
Геотовъ вождь. Что было дѣлать, если
Сломался мечъ могучій? Стально-сѣрый
Ужасный врагъ межъ тѣмъ, поднявшись
грозно
Ужъ въ третій разъ и видя, что король
Стоитъ обезоруженъ, всею силою,
Огнемъ объятый, тяжко на него
Обрушился и страшными зубами
Впился въ плечо. Кровь брызнула
струей
И палъ король на землю. То, что было
Потомъ, могу сказать я. Юный воинъ,
Сподвижникъ короля, не потерялъ
Врожденныхъ качествъ: сила и отвага,
Два прирожденныхъ спутника его,
Остался при немъ. Горя желаньемъ
Отмстить за короля, схвативши мечъ
И весь сіяя крѣпкой, свѣтлой бро-
ней,
Онъ бросился на змѣя, выбирая
То мѣсто, гдѣ покрытъ онъ не былъ
броней.
Сталь врѣзалась легко на этотъ разъ

Въ чудовище. Порывъ кипучей злобы
Остыль мгновенно. Между тѣмъ успѣлъ
Придти въ себя и самъ король геотовъ.
Озлобленный схватилъ онъ свой короткій
Двуострый мечъ, висѣвшій при бедрѣ,
И на-двое чудовище разсѣкъ.
Такъ отомщенъ былъ врагъ, нанесшій
рану
Ведерискому вождю, и такъ похвально
Сломилъ силу змѣя два героя,

Сроднившись славою! Вотъ какъ падо
Другъ другу помогать героямъ въ
битвѣ!
А королю на этотъ разъ пришлось
Въ послѣдній разъ прославиться по-
бѣдой.
Затѣмъ что больше онъ ужъ, къ со-
жалѣнью,
Съ врагомъ не бился въ этомъ брешномъ
мирѣ.

Нѣмецкая поэзія въ средніе вѣка.

ПѢСНЬ О ГИЛЬДЕБРАНТѢ.

(„Всеоб. исторія литературы“, подъ ред. Корша
и Кириичникова).

Я слышалъ разсказъ о томъ, какъ вы-
звали другъ друга на поединокъ Гильде-
брантъ и Гадубрантъ между двумя вой-
сками, людьми сына и отца; они изгото-
вили свои доспѣхи, оправили свою бое-
вую одежду; опоясались герои своими ме-
чами сверхъ кольчугъ, такъ какъ они
сѣзжались на бой. Заговорилъ Гильде-
брантъ, сынъ Гадубранта; онъ былъ стар-
ше лѣтами и разсудительнѣе умомъ; онъ
началъ короткими словами, кто его отецъ
изъ мужей въ народѣ и «какого ты роду-
племени?—Назовешь ты, дитя, мнѣ одно-
го, я уже знаю другихъ: извѣстенъ мнѣ
весь народъ на землѣ».—Сказалъ Гаду-
брантъ, сынъ Гильдебранта: «Говорили
мнѣ наши люди, старые и опытные,
которые прежде жили, что Гильдебрантъ
звался мой отецъ, а я называюсь Гаду-
брантъ, сынъ Гильдебранта; говорили,
убѣгалъ онъ отъ злобы Отахера (ушелъ)
туда съ молодцами. Онъ оставилъ на ро-
динѣ сиротами жену въ домѣ (и) малаго
сына, лишенныхъ наслѣдства; поѣхалъ
онъ на востокъ. Позднѣе Дитрихъ ли-
шился моего отца. Это былъ такой лишен-
ный друзей человекъ; на Отахера гнѣ-
вался онъ, храбрѣйшій изъ витязей, по-
ка Теодрихъ не лишился его. Онъ всегда
былъ во главѣ народа; битва всегда была
люба ему; извѣстенъ онъ былъ смѣлымъ

людямъ; не надѣюсь я живымъ его ви-
дѣть». — «Знаешь ли,—сказалъ Гильде-
брантъ,—клянусь Богомъ небеснымъ, что
тебѣ еще никогда не приходилось имѣть
дѣло съ столь близкимъ человѣкомъ!»—
Онъ снялъ тогда съ руки крученныя коль-
ца, сдѣланныя изъ императорскихъ зо-
лотыхъ, какъ ему далъ ихъ король, вла-
ститель гунновъ. — «Это даю я тебѣ по
расположенію». — Отвѣчалъ Гадубрантъ,
сынъ Гильдебранта: «Дары добывать нуж-
но копьемъ, остріе противъ острія. Вид-
но, ты, старый гуннъ, очень хитеръ: ма-
нишь меня словами, а самъ хочешь сбро-
сить меня копьемъ; а старъ ты, стало
быть, всю жизнь лукавилъ. Сказали мнѣ
плавающіе на западѣ по Вендильскому
(Средиземному) морю, что его похитилъ
бой. Умеръ Гильдебрантъ, сынъ Гери-
бранта». Сказалъ Гильдебрантъ, сынъ
Герибранта:—«Хорошо вижу я по твое-
му вооруженію, что у тебя дома добрый
господинъ, что ты при этомъ царствѣ не
былъ еще изгнанникомъ. Но горе, могучій
Боже!—сказалъ Гильдебрантъ,—несча-
стіе совершается! 60 лѣтъ и зимъ бро-
дилъ я внѣ родины, тамъ гдѣ меня всегда
ставили въ ряды мечущихъ копья. Ни
передъ однимъ бургомъ не унесла меня
смерть, а теперь мое родное дитя должно
меня мечомъ разрубить, сталью поразить,
или я долженъ быть его убійцей! Ну вотъ,
можешь ты легко, если у тебя хватитъ
силы, добыть вооруженіе у столь слав-
наго мужа, отнять добычу, когда на то

будешь имѣть право. Да будетъ трусливѣйшимъ изъ восточныхъ людей,—сказалъ Гильдебрантъ,—кто помѣшаетъ теперь тебѣ въ битвѣ, которая такъ тебя манитъ. Итакъ, битва бойцовъ должна рѣшиться, кто сегодня лишится вооруженія и кто будетъ владѣть этими обѣими бронями!» — И вотъ ударились они сперва ясеновыми копьями сильнымъ ударомъ, такъ что копья остались въ щитахъ, потомъ ударились щитами, начали жестоко рубить свѣтлые щиты, пока не изрубилъ ихъ въ конецъ и съ деревомъ, и съ кожей...

РАЗБОРЪ ПѢСНИ О ГИЛЬДЕБРАНТѢ.

(В. Шереръ. „Ист. нѣмецкой литературы“).

Окончанія не достаетъ. Должно предполагать, что старикъ побѣдилъ и стоялъ передъ трупомъ своего сына. Онъ уничтожилъ свой собственный родъ.

Пѣсня, насколько она сохранилась, мастерски схватываетъ свой сюжетъ и работаетъ его потрясающимъ образомъ. Во внѣшней жизни поэтъ принимаетъ мало участія. Онъ не даетъ полной картины. Какъ оба вооружаются,—онъ говоритъ, но очень коротко: точно также дальше онъ коротко описываетъ бой; на примѣръ, нужно догадываться, что они сошли съ коней. Поэтъ идетъ прямо къ тому, что для него главное. Его привлекаетъ развитіе вопросовъ и отвѣтовъ. Онъ самъ выступаетъ съ объясненіемъ, чтобы только сказать намъ, что Гильдебрантъ первый началъ говорить, потому что онъ былъ болѣе почтеннымъ, старшимъ: требованіе обычая въ соблюдено. Онъ знаетъ, что для передачи длиннаго разговора выгодно, когда онъ прерывается или сопровождается дѣйствіями; потому онъ изобрѣтаетъ мотивъ о кольцахъ, которыя Гильдебрантъ снимаетъ съ руки, чтобы предложить ихъ противнику. Въ началѣ поэтъ пренебрегаетъ описаніемъ великолѣпнаго вооруженія, но для оживленія разговора онъ упоминаетъ, что Гадубрантъ былъ хорошо снаряженъ; и такимъ образомъ мы въ одно и то же время узнаемъ и о внѣшнемъ видѣ борцовъ.

Но все это только техника; въ искусно веденныхъ рѣчахъ должны явиться люди, опредѣлять судьбы людей и раскрываться ужасная трагика.

Поэтъ не только передалъ наивные обычаи дѣтской эпохи, когда позволено самому себя восхвалять, когда собственность, подарки, добыча составляютъ предметъ открытаго себялюбиваго желанія: Гильдебрантъ высказываетъ все свое обширное знаніе людей; цѣлью битвы служить вооруженіе противника, для смягченія упрямства предлагается въ подарокъ украшеніе, по внѣшнему виду вассала дѣлается выводъ о добротѣ господина. Поэтъ не только умѣетъ свободно касаться массы фактовъ, лежащихъ внѣ рамокъ разказа, но умѣетъ при этомъ развивать характеры и выводить изъ нихъ рѣчи и поступки. На примѣръ, Гильдебрантъ есть сама старость, а Гадубрантъ — сама молодость. Тотъ остороженъ, дальновиденъ, медлителенъ, уменъ; этотъ быстръ и рѣшителенъ, стремителенъ въ боѣ, недовѣрчивъ, близорукъ, торопливъ. Положеніе, приведенное осторожными вопросами Гильдебранта, вынуждаетъ у него и дальнѣйшую осторожность. Но, чтобы мы не оставались въ сомнѣніи объ его храбрости, Гадубрантъ, сомнѣвающийся въ мужествѣ своего соперника, долженъ сослаться на то (для посвященнаго слушателя это звучитъ почти прониіей), что его отцу всегда нравились бой.

Вообще нельзя лучше провести трагической ироніи, чѣмъ это удалось этому отличному художнику. Противоположность человѣка, знающаго и незнающаго, когда первый сообщаетъ свое званіе, а второй возстаетъ противъ него, когда первый исполненъ любви къ присутствующему сыну, а второй исполненъ любви къ мнимо умершему отцу, гордится имъ, готовъ провозглашать ему хвалу,—и оба идутъ на смертельный бой!

Гильдебрантъ безусловно является героемъ. Здѣсь упоминается вся его прежняя исторія, его далекая слава, его ненависть къ Одовокару, его бѣгство съ

Теодорихомъ, благоволеніе къ нему короля гунновъ, любовь Теодориха, вѣрность Гильдебранта и неутомимая счастливая война. Въ насъ возбуждено состраданіе къ бѣдной женѣ, къ лишенному parentalства ребенку, котораго онъ оставилъ, но всего больше къ нему самому, который такъ долго былъ оторванъ отъ своей семьи и теперь знаетъ, что онъ дѣлаетъ, на кого долженъ поднять оружіе. Но законы чести не оставляютъ ему никакого выбора. Мы видимъ его отчаяніе, но чувствуемъ, что ему помочь нельзя. Мы вовлечены во всѣ ужасы положенія. И все-таки поэтъ нигдѣ не проронилъ чувствительнаго слова; вездѣ онъ дѣйствуетъ только строго фактическимъ рассказомъ въ данномъ традиціонномъ стилѣ.

Только и есть одинъ стонъ Гильдебранта, когда бой сдѣлался неизбѣжнымъ; въ этомъ восклицаніи вызывается весь невыразимый ужасъ его отцовскаго сердца.

Итакъ, предстоящая ужасная душевная мука, страшное дѣло, которое должно совершиться по категорическому императиву чести,—вотъ главный мотивъ, возбуждавшій фантазію поэта. Этимъ онъ даетъ свидѣтельство о нравственномъ духѣ древне-германской героической поэзіи. Какъ ни малъ остатокъ, который намъ сохранился, это—благородный плодъ, по которому мы заключаемъ о достоинствѣ произведшаго его дерева.

ПѢСНЬ О НИБЕЛУНГАХЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

(Н. П. Стороженко. „Очеркъ исторіи зап.-европ. литер.“).

Отъ Беовульфа до Нибелунговъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій мы не встрѣчаемъ ни одного памятника германскаго народно-эпическаго творчества, который имѣлъ бы видъ эпическаго цѣлаго. Поэма «Нибелунги» переноситъ насъ въ эпоху переселенія народовъ, суровые нравы которой, смягченные христіанствомъ и облагороженные рыцарствомъ, описаны съ поразительной силой. Она относится къ XII вѣку. Въ основѣ «Нибелун-

говъ» лежитъ сага объ отношеніи героя Зигфрида къ прекрасной валькириі Брунгильдѣ. Вотъ краткое содержаніе поэмы. Въ городѣ Вормсѣ, занятомъ племенемъ бургундовъ, растетъ прекрасная Кримгильда. Она живетъ у своихъ братьевъ: Гунтера, Гернота и Гизельхера, которые правятъ бургундами. Слава о красотѣ Кримгильды достигаетъ города Саитена, гдѣ царствуетъ король франковъ Зигмундъ. Сынъ его Зигфридъ, славный своими подвигами, рѣшается попытаться счастья и, взявши съ собою нѣсколько витязей, подъѣзжаетъ къ Вормсу. Жениху предшествуетъ громкая слава. Вассаль бургундскихъ королей Гагенъ рассказываетъ, что это тотъ самый Зигфридъ, который гдѣ-то на сѣверѣ овладѣлъ сокровищами Нибелунговъ, убилъ дракона и, выкупавшись въ его крови, сдѣлался неуязвимымъ. Увидя Зигфрида на турнирѣ, Кримгильда была такъ поражена его красотой, силой и ловкостью, что долго не могла отвести отъ него глазъ. Во время пребыванія Зигфрида въ Вормсѣ на бургундовъ напали саксы и датчане, но Зигфридъ отражаетъ нашествіе, разбиваетъ обоихъ королей, одного изъ нихъ даже беретъ въ плѣнъ и съ торжествомъ возвращается въ Вормсѣ. Въ тотъ день Зигфридъ впервые увидѣлъ Кримгильду; она стала горячо благодарить его за помощь, на что Зигфридъ отвѣтилъ, что все это онъ сдѣлалъ изъ любви къ ней. Гунтеръ обѣщаль Зигфриду руку сестры, если онъ ему поможетъ въ одномъ опасномъ предпріятіи. Предпріятіе это было сватовство Гунтера за сѣверную красавицу Брунгильду, которая соглашалась выйти замужъ только за того, кто побѣдитъ ее въ состязаніяхъ силы и ловкости. Съ помощью шапки-невидимки Зигфридъ помогаетъ Гунтеру, который и получаетъ руку Брунгильды въ то время, какъ Зигфридъ женится на Кримгильдѣ. Проходитъ цѣлыхъ десять лѣтъ, и обѣ парочки живутъ въ счастіи и радости, и это продолжалось бы долго, если бы не зависть Брунгильды, которая не могла примириться съ мыслью, что такой герой,

какъ Зигфридъ, достался не ей, а Кримгильдѣ. Однажды Кримгильда стала восхвалять Зигфрида, не подозрѣвая, какую рашу она этимъ наноситъ Брунгильдѣ. «Посмотри, — сказала Кримгильда, — какъ мой Зигфридъ красуется среди другихъ героевъ—словно мѣсяцъ между звѣздами». — «Да, но онъ все-таки не болѣе, какъ вассалъ моего мужа», — отвѣчала Брунгильда. Видя, что ея мужа хотятъ унижить, Кримгильда мгновенно превращается въ тигрицу. «А, если такъ, то знай, что завтра я пойду къ обѣднѣ передъ тобою». И она это дѣлаетъ, а когда Брунгильда хочетъ загородить дорогу. Кримгильдѣ, послѣдняя говоритъ ей съ презрѣніемъ: «Прочь съ дороги, наложница моего мужа! Развѣ мнѣ неизвѣстно, что Зигфридъ покорилъ тебя для Гунтера?» Затѣмъ она показываетъ Брунгильдѣ кольцо и поясъ, взятые у нея Зигфридомъ, и послѣдняя принуждена замолчать. Тутъ вмѣшивается въ дѣло Гагенъ. Онъ служитъ Брунгильдѣ, какъ вассалъ своему сюзерену. Видя ея слезы, Гагенъ рѣшается отмстить за нихъ и предлагаетъ свои услуги Брунгильдѣ. Та соглашается и благодаритъ. Гагенъ распускаетъ слухъ о новомъ нашествіи датчанъ. Простодушный Зигфридъ вновь предлагаетъ свои услуги. Гагенъ проситъ Кримгильду отпустить мужа и увѣряетъ, что онъ самъ будетъ слѣдить за Зигфридомъ въ сраженіи. По совѣту Гагена, Кримгильда вышиваетъ крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Зигфридъ уязвимъ, и умоляетъ Гагена охранять въ сраженіи это мѣсто. Гагенъ обѣщаетъ, но на охотѣ самъ поражаетъ Зигфрида въ ту минуту, когда Зигфридъ, наклонившись, пилъ воду изъ ручья. Зигфридъ умираетъ, а Гагенъ велитъ ночью отнести его трупъ въ Вормсъ и положить передъ дверью Кримгильды. Утромъ она идетъ въ церковь и чуть не наступаетъ на охладѣвшій трупъ супруга. Она оглашаетъ воздухъ криками и громко обвиняетъ брата въ убійствѣ. Тотъ оправдывается и соглашается на предложенный Кримгильдою Божій судъ. Всѣ рыцари, на-

чиная съ самого Гунтера, подходятъ поочередно къ трупу Зигфрида. При приближеніи Гагена, раны Зигфрида раскрываются, и изъ нихъ струится кровь—явный знакъ, что онъ—убійца. Кримгильда затанцовываетъ въ душѣ месть и ждетъ только случая, чтобы привести въ исполненіе свои кровавые замыслы. Случай этотъ представляется, когда она выходитъ замужъ за короля гунновъ Этцеля (Аттила). По прошествіи 13 лѣтъ она приглашаетъ къ себѣ всѣхъ своихъ родныхъ, въ томъ числѣ и Гагена, и умерщвляетъ ихъ, и сама, въ свою очередь, падаетъ отъ руки стараго рыцаря Гильдебранта.

Изучая поэму о «Нибелунгахъ», невольно сравниваешь ее съ величайшимъ произведеніемъ французскаго эпическаго творчества—съ «Пѣснью о Роландѣ». Обѣ поэмы принадлежатъ къ одному типу эпическихъ произведеній; онѣ представляютъ собою не механическое соединеніе отдѣльныхъ релсодій, но художественныя цѣлыя, имѣющія нѣкоторое художественное единство. Хотя надъ ними трудилось много рукъ, но несомнѣнно, что послѣдняя обработка принадлежитъ одному гениальному пѣвцу. «Пѣсня о Роландѣ» по своему характеру и духу, несомнѣнно, древнѣе «Нибелунговъ». Она есть плодъ феодализма на переходѣ его къ рыцарству, тогда какъ «Нибелунги»—это уже плодъ рыцарства. Женщина и любовь не играютъ почти никакой роли во французской поэмѣ, тогда какъ отношенія Зигфрида къ Кримгильдѣ—одна изъ главныхъ мотивовъ поэмы «Нибелунги», опредѣляющихъ собою ея содержаніе. Кромѣ большей древности, преимущество «Пѣсни о Роландѣ» заключается также въ большей цѣльности и національности содержанія. Въ то время, какъ въ «Нибелунгахъ» встрѣчаются личности различныхъ историческихъ эпохъ и даже личности мифическія, въ «Пѣснѣ о Роландѣ» воспѣвается событіе одной исторической эпохи,—эпохи борьбы христіанъ съ невѣрными. Но если «Нибелунги» уступаютъ «Пѣснѣ о Роландѣ» въ древности нѣкоторыхъ мотивовъ и національному